

В. Е. ГУСЕВ

Заметки о стиле „Жития“ протопопа Аввакума*

Стиль «Жития» Аввакума принято называть «просторечием». Неудобство этого термина заключается в возможности толкования его как категории лингвистической, обозначающей лишь речевую стихию «Жития». Это, например, проявилось в ранней работе В. В. Виноградова «О задачах стилистики»,¹ но позднее сам исследователь предостерег против такого понимания термина.²

Действительно, во-первых, Аввакум, у которого, как известно, и заимствовано это слово, употребляет его в совершенно определенном значении, противопоставляет его не церковно-славянскому языку, а «виршам философским», «словесам красным», «красноречию»;³ «природной» же русский язык, составной частью которого являлись и слова и формы старославянского языка, противопоставлялся Аввакумом языкам иностранным.⁴ Следовательно, понятия «природного» языка и «просторечия» в сознании Аввакума были близкими, но не тождественными; первое понятие определяло национально-историческую природу русского языка, второе — стилистическую манеру, способ литературного применения «природного» языка.

Во-вторых, принципиально важным в историческом плане для стиля «Жития» является не только то, что Аввакум щедро вводил живой, разговорный язык, но и то, что он сознательно отказался в «Житии» от традиционного стиля «плетения словес», от риторической украшенности («красноречия»), которая вообще ему была известна,⁵ а также и от входившего в XVII в. в моду стиля украинско-польско-латинской книжности («философских виршей»)⁶.

* Посвящаю моему учителю — Н. К. Гудзию. Автор.

¹ См.: Русская речь, сборник под ред. Л. В. Щербы, вып. 1. Пгр., 1923.

² См.: Очерки по истории литературного языка XVII—XIX вв. Учпедгиз, М., 1938, стр. 35. Суженное толкование просторечия находим также у Н. К. Гудзия в работе «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия, Academia, 1934. В дальнейшем: Житие).

³ Житие, стр. 63.

⁴ Житие, стр. 247.

⁵ См., например, письма Аввакума Морозовой и Урусовой (Житие, стр. 309—310, 318—319) и единственный образец в самом «Житии», восходящий к Златоусту и митр. Даниилу (Житие, стр. 111; ср.: Памятники истории старообрядчества, кн. I, вып. 1. Л., Изд. АН СССР, 1927 (РИБ, XXXIX), стр. 244).

⁶ Французский исследователь Пьер Паскаль в своей обширной работе «Аввакум и начала раскола» неправильно толкует полемическое замечание Аввакума, что он «не учен диалектике и риторике и философии», как признание писателем недостатка в своем изложении (см.: Avvakum et les débuts du rascól. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie, par Pierre Pascal. Paris, 1938, стр. 486. (В дальнейшем: P a s c a l. Avvakum)).

Таким образом, под «просторечием» Аввакума следует понимать простой, «неукрашенный» стиль, в котором преобладание простонародной речи над языком церковно-славянской книжности было лишь одним из его признаков. Однако даже в этом смысле «просторечие» скорее является отрицательным, чем прямым определением стиля «Жития» — оно указывает на то, что противопоставляет его известному стилю, но не раскрывает признаков стиля самого «Жития». Другие термины, которыми пользуются исследователи, — «беседа» или «вяканье», т. е. непосредственная, безыскусственная манера повествования или «бесхитростная импровизация» (В. В. Виноградов), — также не исчерпывают всех особенностей стиля «Жития».⁷

Неудобство последних терминов заключается в том, что они дают возможность думать, будто стиль Аввакума сложился сам собою, стихийно, произвольно, бессознательно. На такое понимание наводит и сам Аввакум: «Что на ум попало, я тебе то и говорю». Однако уже сам факт предпослания редакции В «Жития» специального введения, являющегося своеобразным литературным credo Аввакума, свидетельствует о сознательном отношении писателя не только к содержанию, но и к форме своего сочинения. Об этом же свидетельствует и процесс работы Аввакума над редакциями «Жития».⁸ Прежде всего обращает на себя внимание то, что в редакции В в тексте «Жития» сокращаются или выбрасываются вовсе рассказы, прерывавшие в редакции А повествование, и даже некоторые рассказы о чудесах (например, стр. 116—119); с другой стороны, за пределами собственно «Жития» в этой редакции находим несколько дополнительных «чудесных» рассказов (стр. 188—194). В редакциях Б и В исключается гневное обличение никониан (стр. 137—139). В редакции В полемическая статья о причастии, разрывавшая повествование, перенесена в виде отдельной уже статьи в конец рукописи. Точно так же поступает Аввакум и с другим обличительным отрывком, направленным против запрещения со стороны никониан внецерковного крещения и явно нарушавшим течение рассказа в редакции А (стр. 108—110). Таким образом, Аввакум, заботясь о жанровой определенности «Жития», значительно перерабатывает свое произведение. С другой стороны, характерно, что введенные в редакцию В две новые статьи — «Почуение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви» и полемическая «О сложении перст» — помещаются здесь за пределами «Жития»: первая перед приступом, вторая вслед за статьей о причастии. Кроме того, интересно отметить, что мастерски рассказанный, но не имеющий прямого отношения к основному тексту «Жития» эпизод о хождении за рыбой на озеро Шакшу (стр. 190) помещается Аввакумом также за пределами «Жития». Итак, хотя рукопись сборника, по основному произведению получившая название «Житие», и разрасталась, но «Житие» в собственном смысле становилось все более и более цельным и однородным художественным

⁷ П. Паскаль в другой книге «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» определяет стиль «Жития» синонимичным понятием «болтовня» («caquet», «bavardage»), толкуя это определение как «свободное повествование с нестройной («lâche») композицией, в фамильярном тоне дружеской беседы» (La vie de l'archiprêtre Avvakum écrit par lui-même. Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. 2-е édition, Paris, 1938, стр. 44. В дальнейшем: Pascal, La vie)

⁸ Под «Житием» мы разумеем не всю рукопись, являющуюся, по существу, сборником разнородных и самостоятельных сочинений, а «Житие» в собственном смысле, границы которого были определены нами в работе «Житие протопопа Аввакума как художественное произведение» (см тезисы в книге: 2-я конференция научных работников Челябинской области. Доклады. Челябинск, 1948, стр. 29—33).

произведением.⁹ Работа Аввакума над редакциями «Жития» шла не только в направлении более четкого ограничения его текста, но и в направлении усовершенствования его слога, на что обратил внимание Пьер Паскаль: «Он (Аввакум, — В. Г.) исправил стиль, изменив порядок слов, чтобы получить более гармоническую клаузулу, вычеркнув повторения, отказавшись — но не последовательно — от архаических и слишком безыскусственных оборотов; он улучшил некоторые места, лишенные ясности».¹⁰

Итак, то, что на первый взгляд производит впечатление «бесхитростной импровизации», на самом деле является результатом сознательных усилий большого мастера.

В. В. Виноградов произвел стилистический анализ «Жития», проследив «сплетение... двух форм стиля» — формы сказа и проповеди и обусловленное этим своеобразное переплетение церковно-книжных и простонародно-речевых элементов.¹¹ Мы не будем касаться этой важной особенности стиля «Жития», принятой всеми исследователями.¹² Заметим только, что, на наш взгляд, В. В. Виноградов, а вслед за ним и другие преувеличивают значение литературной традиции в стилистической манере «Жития». «Способ рисовки реальных событий, — писал В. В. Виноградов, — определяется той церковно-библейской литературой, в кругу которой вращалась творческая интуиция Аввакума».¹³ Далее мы попытаемся выяснить, что определяет стиль «Жития» в целом. Что же касается книжных речений и библейской символики в «Житии», то они, думается, возникли по ассоциации с реальными образами, рождающимися из первоисточника — самой действительности, и лишь придавали этим образам аллегорическое толкование. Появление в «Житии» таких образов, как буря, волокита, зима, плавание, корабль, и их метафорическое развитие, а также наличие терминологии, связанной с драками, пытками, мучениями и т. п., объясняются в первую очередь реальными обстоятельствами жизни Аввакума. Думается, что именно реальные факты вызвали в памяти Аввакума сходные библейские ситуации и образы, а не наоборот, библейские символы рождали живые картины «Жития». Нельзя не согласиться с Рудольфом Ягодичем, который пишет, что «народный реализм — основная черта его живого, меткого стиля».¹⁴

Некоторые исследователи образец стиля «Жития» ищут в житийной литературе. К этому склонялся, в частности, и Пьер Паскаль в работе «Аввакум и начала раскола», однако во втором издании своей книги «Житие протопопа Аввакума» французский исследователь пришел к выводу, что «Аввакум не мог подчиниться предписаниям агиографического жанра»,

⁹ Разная жанровая природа и самостоятельный характер отдельных частей сочинения Аввакума осознавалась уже его современниками: полемические и поучительные статьи, помещенные в рукописи за пределами «Жития», имели вполне самостоятельное хождение в старообрядческой среде.

¹⁰ P a s c a l, Avvakum, стр. 487.

¹¹ Русская речь, стр. 215. К вопросу о жанре «Жития» мы предполагаем обратиться в специальном исследовании.

¹² Кроме русских авторов, назовем Рудольфа Ягодича, отметившего, что «при помощи такого соединения... Аввакум обеспечил себе сильнейшее воздействие и наиболее широкие выразительные возможности, и вместе с тем он создал таким образом один из стилистических феноменов мировой литературы» (Das Leben des Protopopen Avvakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus dem Altrussischen nebst Einleitung und Kommentar von Rudolf Jagoditsch. Berlin, 1930, стр. 65—66 (в дальнейшем: Jagoditsch); см. также указанные работы П. Паскаля.

¹³ Русская речь, стр. 211; ср. стр. 214, 231, 234. См. также: Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. АН СССР, 1948, гл. IX, § 1 (2), стр. 318. Впрочем, и Н. К. Гудзий, и Д. С. Лихачев в целом признают превалирование простонародноречевой стихии.

¹⁴ Jagoditsch, стр. 67.

что «он не жертвовал своим темпераментом, свободой развития (de développement) и выражений законам жанра».¹⁵

Давно уже замечено, что новаторство стиля «Жития» проявилось в отступлении от признаков письменности, в приближении к строю устной речи, в воссоздании стиля устного рассказа, рассчитанного не столько на читателя, сколько на предполагаемого слушателя. Это лежит в основе самого точного, на наш взгляд, данного в работе В. Виноградова, определения стиля «Жития» как органического сплетения стилей сказа и проповеди. «Он не писал, а рассказывал», — замечает П. Паскаль.¹⁶ «„Житие“ становится... народным рассказом, который звучит подобно... записанному разговору (des Sprechens)», — заключает свою характеристику стиля «Жития» Р. Ягодич.¹⁷ «Он пишет, как бы беседуя», — констатирует Д. С. Лихачев, анализируя различные проявления в «Житии» формы «свободной и непринужденной беседы».¹⁸

Все характеристики стиля «Жития», верные сами по себе, страдают существенным недостатком: они сводятся лишь к определению слога писателя и не раскрывают стиль как единство всей совокупности признаков художественной формы «Жития» в связи с его идейным содержанием.

Исследователи рассматривают стиль «Жития» или как нечто совершенно самостоятельное или объясняют его либо «мучительными обстоятельствами... личной жизни» писателя,¹⁹ либо особенностями природы Аввакума,²⁰ либо его положением проповедника, обращающегося к широкой аудитории,²¹ либо, наконец, автобиографизмом «Жития».²²

Не отрицая известного значения всех этих факторов, мы хотели бы указать на более принципиальные, более глубокие источники стиля «Жития», принимая во внимание, что мы имеем дело с цельным художественным произведением, отразившим существенные стороны русской жизни XVII в. и в типических образах выразившим определенное мировоззрение писателя.

Работа Аввакума над стилем «Жития» была тесно связана с процессом художественного отражения реальной действительности и воплощения его идейного замысла. Аввакум сознательно отбирал из огромного житейского материала лишь то, что с наибольшей силой и полнотой выражало пафос его подвижнической жизни. Он сам подчеркивал, что рассказывает в своем «Житии» далеко не все, ибо «всего много говорить», «много тех бед мелких сказывать»,²³ и довольно четко сформулировал основной принцип отбора своего материала: «стану сказывать верхи своим бедам».²⁴

Благодаря этой сознательной установке на отбор «верхов» Аввакуму удается типизировать явления действительности и с предельной остротой передать драматизм событий, выразить героическую идею «Жития». Най-

¹⁵ Pascal, La vie, стр. 43. Ср. также: R. Jagoditsch, N. S. Trubetzkoy ab. Literarhistoriker, Wiener Slavistisches Jahrbuch, Vierter Band, 1955, стр. 46.

¹⁶ Pascal, La vie, стр. 43.

¹⁷ Jagoditsch, стр. 69.

¹⁸ Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум, стр. 316—317.

¹⁹ Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум, стр. 314.

²⁰ Житие протопопа Аввакума... Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия, стр. 45—46.

²¹ Jagoditsch, стр. 65; Житие протопопа Аввакума... стр. 34.

²² Житие протопопа Аввакума... стр. 27; Pascal, La vie, стр. 43.

²³ См. отрывки из «Жития» по списку Г. М. Прянишникова, опубликованные В. И. Малышевым в ТОДРА (т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 386).

²⁴ См.: Из жития протопопа Аввакума по списку Г. М. Прянишникова (В. И. Малышев. Материалы о протопопе Аввакуме, ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 392).

денный Аввакумом стиль выявлял пафос борьбы, создавал необходимое настроение эмоциональной напряженности, возбуждая активное сочувствие или возмущение. Это была, действительно, «речь бойца» (А. М. Горький).

Стилевое новаторство Аввакума в конечном счете объясняется его своеобразным бунтарством, его связью со стихийным народным социально-религиозным движением против усиливавшегося феодального и церковного гнета. Противоречивая природа этого движения, объясняющаяся конкретно-историческими условиями, явилась объективным основанием противоречивого идейного содержания «Жития», отразившего реальные формы этого движения и в одно органическое целое соединившего, с одной стороны, идеи протеста и борьбы против разных светских и духовных «начальников», с другой стороны, идеи религиозного служения божьему делу, идеи страдания, терпения и смирения.²⁵ С этим противоречивым (и в то же время в конкретно-историческом значении цельным) идейным содержанием «Жития» и связано органическое единство двух основных стиливых потоков — народно-поэтического просторечия и религиозной книжной символики. Демократическая сущность идейного содержания «Жития», в условиях середины XVII в., обусловила и демократизацию его стиля. Имитацию устного рассказа в «Житии» в идейно-эстетическом плане следует рассматривать как ориентацию на устное искусство народных масс, в противовес письменному искусству духовной и светской аристократии, недоступному народу; эта особенность стиля «Жития» могла возникнуть в результате знакомства Аввакума с народно-поэтическими сказками.²⁶ Драматизм идейного содержания «Жития» определял и драматизм его стиля. На последнем, поскольку эта особенность стиля гениального произведения Аввакума не привлекла еще внимания исследователей, мы и остановимся в дальнейшем. Это лишь одна из особенностей стиля «Жития», но, поскольку под стилем следует разумеать единство всех компонентов художественной формы в их связи с содержанием, то эта особенность может проявиться по-разному, при этом несколько по-иному должны быть осмыслены и уже указанные исследователями в другой связи признаки стиля «Жития».

Нам кажется недостаточным определение манеры изложения «Жития» как «беседы». В этой манере достигается то органическое слияние эпического повествования с лирической эмоциональностью, которое часто превращает рассказ Аввакума в страстный, драматический монолог. В связи с этим необычайно важное значение приобретает разговорная, живая, гибкая и н т о н а ц и я рассказчика-героя, который представляет собою о д н о л и ц о — центральный художественный образ. Быстрый темп повествования, создаваемый лаконичной простой фразой, богатой глаголами непрерывная смена картин перебивается короткими восклицаниями, драматическую природу которых определяет удачно найденное меткое выражение В. Виноградова: «звуковые жесты».²⁷ Эти особенности интонации «Жития», которые хорошо передают постоянно сдерживаемое, но прорывающееся и потому особенно действующее на читателя волнение, придают стилю «Жития» д и н а м и ч н о с т ь.

Нарастание драматического эффекта часто в «Житии» сопровождается группировкой фраз по восходящей смысловой и эмоциональной напряжен-

²⁵ Свое понимание идейного содержания «Жития» мы пытались изложить в упоминавшейся выше работе.

²⁶ Проблема отношения Аввакума к народной поэзии заслуживает особого внимания, здесь мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса.

²⁷ Русская речь, стр. 272—278.

ности; таково, например, описание первого приезда Аввакума в Москву, с троекратным рефреном: «Тут паки горе».²⁸ Другой пример: «Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал». Здесь эмоциональность усиливается и явно ощутимой ритмической организацией фразы.

Иногда ритмика подчеркивается в «Житии» рифмой или созвучием, которые появляются не просто для «оживления речи» (Н. К. Гудзий), а как средство эмоционального воздействия, для выделения мест наиболее драматических:

Убить вора, б...а сына,
да и тело собакам в ров кинем.
Венец тернов на главу ему там возложили,
в земляной тюрьме и уморили.
У церкви за волосы дерут,
и под бока толкают
и за чепь торгают
и в глаза плюют.
Пред царя пришед, учал юродством шаловать,
Царь же, осердясь, велел в Чудов монастырь отслать.²⁹
На кол было посадил,
да еще бог сохранил.

С той же целью выделить наиболее драматические эпизоды Аввакум иногда насыщает свою речь звуковыми повторами — аллитерацией и ассонансами. Это проистекало из устно-сказовой природы «Жития», что особенно заметно при сопоставлении «Жития» с соответствующими местами из «Первой челобитной царю Алексею Михайловичу», где Аввакум, не стремясь к воссозданию устной речи, излагает те же факты иначе, обыденным языком. Например, в «Житии»: «Среди улицы били батожьем и топтали, и бабы были с рычагами» (ср. в «Челобитной»: «бит ослопием и топтан злых человек ногами»).³⁰ В «Челобитной» Аввакум довольно сухо сообщает о расправе над ним в Москве: «... и посадя на телегу с чепью, по улицам, рогтяня мои руки, не в одну пору возили...».³¹ Этот же факт с большим мастерством изображен в «Житии», где последовательно выдерживаются звуковые повторы (т—д, л—р, ассонанс на «е» и «и»):

«Егда же розсветало в дeнь недeльный, посадили меня на тeлeгу, / и рогтянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, / и тут на чеи кинули в темную полатку, ушла в землю, / и сидел три дни, ни ел, ни пил».³²

В конце отрывка ассонанс на «и» усилен точным ритмическим совпадением и внутренней рифмой (ср. в «Челобитной» обыденное: «три дни и три ноши на чеи держал без пищи»).³³

Вообще говоря, письма и челобитные Аввакума, в ряде случаев представляющие самостоятельную литературную ценность, в то же время могут рассматриваться как своеобразные подготовительные наброски к окончательному тексту «Жития». Что в письмах Аввакума излагалось конспективно, кратко, то в «Житии» становилось ярким эпизодом, приобретало образную наглядность. Сравним, например, письмо Аввакума к семье на Мезень от мая 1666 г. с соответствующим местом в «Житии». В письме читаем: «В Пафнутьеве монастыре держали девять недель на

²⁸ Житие, стр. 78.

²⁹ Другие примеры см. у В. Виноградова (Русская речь, стр. 283—284).

³⁰ Житие, стр. 78, 281.

³¹ Житие, стр. 282.

³² Житие, стр. 81.

³³ Житие, стр. 282.

переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошадях, не отдыхая: затрясли было». ³⁴ В «Житии», в соответствии со всей художественной тканью произведения, это место приобретает драматическую напряженность, что достигается и изменением спокойной интонации письма на драматически-сказовый стиль, и изменением синтаксиса, и продуманной детализацией описания, введением эпитетов, отбором выразительных слов: «Опять к Москве свезли то мнова человека, посадя на старую лошадь; пристав созади — побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одним перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы». ³⁵

Интересную роль в «Житии» выполняет пейзаж, встречающийся здесь дважды. Соглашаясь с В. Виноградовым, что пейзаж «в обоих случаях служит для обострения действия», ³⁶ подчеркнем, что именно в этом проявляется драматическая функция пейзажа, однако не непосредственно, а косвенно, и в каждом случае по-своему.

В первом случае, ³⁷ несмотря на большой интерес к деталям (называются многие виды животных и птиц), пейзаж выполняет чисто служебную роль; это наивно раскрывается в последней фразе («На те горы выбивал меня Пашков...»); дается поэтому он в мрачных тонах. Обращает на себя внимание необычное для Аввакума построение предложений: почти полное отсутствие глаголов, перечисление предметов со сказуемым-прилагательным, что и придает описанию необходимую мрачную выразительность («Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заламя голову»). Этим средством Аввакум искусно пользуется в другом месте: «Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет... Ох, времени тому». ³⁸ И еще: «Страна варварская, иноземцы немирные».

Во всех трех случаях, как видим, отмеченный прием несет строго определенную функцию: придает рассказу мрачную, суровую интонацию. Интересно в этом отношении сравнить приведенные места со вторым пейзажем, представляющим описание «Байкалова моря». ³⁹

Непосредственно служебной роли этот пейзаж не выполняет; он приобретает более самостоятельное значение, еще большее внимание уделяется подробностям; появляется красивое образное сравнение плавающих гусей и лебедей со снегом. Но пейзаж завершает собою повесть о даурской ссылке — одном из самых страшных эпизодов «плавания» Аввакума, поэтому он проникнут светлым настроением. Люди спаслись от бури и на надежной земле спокойно наблюдают природу. Пейзаж должен передать их душевное состояние. Характерно, что прилагательное перестает здесь выполнять роль сказуемого, как это мы наблюдали в приведенных выше примерах, и превращается в простой эпитет, поставленный, однако, вслед за существительным. Число инверсий по сравнению с первым пейзажем увеличено, что сообщает рассказу своеобразную покойно-неторопливую

³⁴ В. И. Малышев. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документальные материалы о нем. Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета, вып. 3, 1951, стр. 261—262.

³⁵ Житие, стр. 170; разрядка моя, — В. Г.

³⁶ Русская речь, стр. 281.

³⁷ Житие, 87—88: описание берега р. Тунгузки у порога Долгого.

³⁸ Житие, стр. 93

³⁹ Житие, стр. 110—111.

интонацию, резко выделяющую это место из всего драматического повествования, контрастирующую с последним.

В. Виноградов обратил внимание на обилие в «Житии» уменьшительных форм и сочетаний слов с ласкательными эпитетами, слов с определенным эмоциональным содержанием, обнаруживающим отношение рассказчика («горюн», «горемыка», «свет», «кормилец», «надежа»), на частое употребление глагола «плакать». Мы не можем согласиться с тем, что это окрашивает «Житие» в «сентиментальный тон»⁴⁰ (В. Виноградов). Взятые сами по себе, вне контекста, эти слова, может быть, и способны создать впечатление излишней чувствительности. Однако в общей высоко-драматической тональности «Жития», в связи с подлинным горем и страданиями, с высоким накалом всех чувств, эти слова вполне уместны: они лишь подчеркивают драматизм положений и чувств героев. Сентиментальность возникает при несоответствии степени выражения чувств характеру и глубине самого чувства — этого в «Житии» нет. В дополнение к наблюдениям исследователей в этом плане следует указать на наличие в «Житии» формы собирательных существительных: «батожьё», «кнутьё» (вместо батог, кнуты), которая выразительно оттеняет жестокость наказания.

Наконец, обратим внимание, что драматизм содержания «Жития» определил не только своеобразный монолог рассказчика-героя, оснащенный отмеченными средствами художественной выразительности, но и важное значение речи других персонажей и диалогов как средства обрисовки характеров и выражения идейного замысла. Так, образ Настасьи Марковны по существу создан одним этим средством, очерчен в нескольких репликах, которые она произносит при чрезвычайно драматических ситуациях: во время перехода через Иргень-озеро и в момент кратковременных колебаний самого Аввакума. Ярко сказывается характер казаков в немногих словах, обращенных при обыске к Настасье Марковне: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя нетерпелась». Патриарх Никон живо обрисован в двух контрастных сценах средствами драматической характеристики — двумя короткими репликами, в которых прекрасно передается характер лицемерного и циничного политика.⁴¹ Характер самого Аввакума, когда он перестает быть героем-рассказчиком, а предстает как действующее лицо «Жития», чаще всего раскрывается в произносимых им репликах. С этой особенностью обрисовки характеров связана и другая: психологически верное раскрытие внутреннего состояния героев достигается в «Житии» не описанием этих состояний и чувств, а с помощью их «внешних симптомов», как верно отметил В. В. Виноградов.⁴² На эту особенность обратил внимание также Р. Ягодич: «Его изображение при всей страстной заинтересованности рассказываемыми событиями охватывает только действия. . . Очень сдержан он также при рассказе о душевных состояниях».⁴³ Мы соглашались с высокой оценкой, какую дает немецкий исследователь этой особенности стиля Аввакума: «Он создал собственный, полный действительности стиль, который составляет нечто исключительное по сравнению со всем, что было написано в то время».⁴⁴ Однако исследователи не дали объяснения этой особенности стиля Аввакума. Ее следует рассматривать не как недостаток психологи-

⁴⁰ Русская речь, стр. 257

⁴¹ См.: Житие, стр. 79, 83

⁴² Русская речь, стр. 254.

⁴³ Jagoditsch, стр. 67

⁴⁴ Jagoditsch, стр. 65

ческой характеристики, а как ее своеобразие, вытекающее из основной драматической природы стиля «Жития», из действенного характера пафоса борьбы, пронизывающего все произведение Аввакума.

Преодолевая витийственную, торжественную манеру древнерусских книжников, провозгласив принципами своей литературной деятельности правду и простоту, Аввакум вошел в историю русской литературы как новатор, как писатель, нашедший свой оригинальный стиль, вполне соответствовавший замечательному содержанию его «Жития». В этом соответствии содержания и формы — причина могучего воздействия произведения и его неумирающей силы и красоты.
